

В. И. Михайленко

XX ВЕК: КОРОТКИЙ ВЕК — ДЛИННАЯ ЭПОХА

Кажется, Гете говорил, что в пределах исторической эпохи нет такой точки, с которой эту эпоху можно рассматривать. Если мы начинаем понимать прошедшее время как некий исторический период, значит, появились признаки того, что мы либо вышли, либо выходим за пределы определенной исторической эпохи.

Вместе с тем нельзя исключать иллюзорность представления о том, что мы уже достигли этой точки, т. е. *эпоха* — понятие условного времени, не совпадающего с календарным. Оно охватывает группу исторических событий, которые в своей совокупности предполагают новое качество.

Модерн и вызов модерности. Уходящую эпоху называют по-разному, чаще всего эпохой модерна. Выражение «культурный модерн» впервые было употреблено в конце V века, чтобы разграничить только что обретшее официальный статус христианское настоящее и языческое римское прошлое. По мнению Ю. Хабермаса, понятие «модерность», «принадлежность к современности», всегда выражало сознание эпохи, соотносящей себя с античным прошлым в ходе осмысления себя самой — как перехода от старого к новому¹. По утверждению З. Стернхелла, «модернизм» означает решительный разрыв с прошлым, прежде всего с классической античностью в качестве нормативной модели².

В современном значении слово «модерность» появляется лишь в середине XIX века в статье Бодлера «Le peintre de la vie moderne», написанной в 1860 и опубликованной в 1863 году. Им он обозначает новую для XIX века культурную и социальную реальность. Он был и первым теоретиком эстетического модернизма.

Только во второй половине XX века идея модерности была подвергнута глубокому анализу французскими философами Анри Лефевром в его «Introduction à la modernité» (1962) и Жаном Бодрийаром. Последний изложил в 1963 году свои представления о модерности в статье «Modernité» в «Универсальной энциклопедии». Бодрийар подчеркивал, что европейский модернизм был медленным процессом, начало которого восходит к XVI веку, однако его предпосылки начинают проявляться в XII–XIII веках, а во всей своей полноте модерность раскрывается в XIX веке. «Модерность, — пишет Бодрийар, — это не только реальность технических, научных и политических достижений, начиная с XVI века и далее, но и также игра знаков, обычаев, культуры, которые ведут к изменениям структур на ритуальном уровне и на уровне социальной жизни»³.

Утверждавшиеся с XVII века рационализм, оптимизм и универсализм, вера в бесконечный прогресс общества, почти безграничные познавательные возможности науки воплощались в идеологию планового и рационального построения социальной и политической жизни. Центральной фигурой новой эпохи становится активный и критически мыслящий индивидуум, заявлявший о примате своих прав по отношению к обществу и государству. Одним из наиболее характерных проявлений модернизма становится выдвижение идей человеческого совершенства, освобождения человека от власти природы, целенаправленного использования разума для достижения блага. Эти идеи и идеалы конкретизировались в лозунгах Великой французской революции и в великих утопиях XVIII и последующих веков⁴.

Таким образом, модернность охватывает практически все стороны человеческого общежития, его духовную и материальную сферы.

В области социальных отношений главным смыслом модерности является переход от *традиционного* к *современному* обществу. Используем приемлемые определения, приведенные в публикации В. Г. Федотовой⁵.

Традиционные общества являются исторически первыми. Это общества, воспроизводящие себя на основе традиции и имеющие источником легитимации активности прошлое, традиционный опыт. Традиционные общества отличаются от современных рядом особенностей. Среди них — зависимость в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной персональности; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса, т.е. способности производить в материальной сфере не ради насущных потребностей, а ради будущего; предэкономический, прединдустриальный характер; отсутствие массового образования; преобладание особого психического склада — недеятельной личности; преобладание локального над универсальным и др. Самым важным в традиционных обществах является отсутствие выделенной персональности. Это следствие доминирования традиции, ибо социальный запрос на индивидуальность — это запрос на субъекта творческой деятельности, способного производить новое. Он возникает в современных обществах.

Вторым по значению признаком выступает наличие религиозного или мифологического оправдания традиции. Возможность быстрых преобразований блокируется этими формами сознания, и модернизаторские попытки, которые могут иметь место, не завершаются, — возникает попятное движение. Именно это — движение вперед и возврат назад — создает циклический характер развития, характерный для традиционных обществ.

Невыделенность индивидуальности, персональности определяется не только отсутствием интереса к инновациям, но и коллективистским характером религиозных и мифологических представлений. Коллективистский характер традиционных культур не означает, что в них нет ярких, особенных, не похожих на других людей. Они, несомненно, есть, но их социальная роль определена их способностью выражать коллективные представления. Индивид не выступает здесь как политический

субъект. Конкретное поведение людей в традиционном обществе определено нормами, которые заданы традицией, религией, общиной или коллективом. Соответственно преобладающим типом ценностей в них являются авторитарные ценности, т. е. те, которые поддерживаются традицией и, в свою очередь, поддерживают коллективистские представления. В этих обществах еще нет четкого разделения на ценности инструментальные (регулирующие повседневное поведение и деятельность) и мировоззренческие (связанные с представлениями о мире). Существуют подчинение инструментальных ценностей мировоззренческим, жесткий мировоззренческий контроль, внутренняя и внешняя цензура поведения и мышления людей, неизбежно ведущая к политическому авторитаризму, оправданию деятельности авторитетом, и отсутствию личных свобод.

Поскольку вся структура сознания традиционных обществ, их культуры и власти гарантирует воспроизводство старого, люди в них в экономическом плане живут настоящим. Формируется критическое отношение к предприимчивости, накопительству. Совершенно понятна ориентация таких обществ не на науку, а на вненаучное мировоззрение. В духовном смысле это общество не живет сегодняшним днем: в нем нарабатываются долговременные смысловые содержания.

В ходе модернизации происходит переход к современному обществу. Оно включает в себя прежде всего коренное отличие от традиционного — ориентацию на инновации и другие черты: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; выделенную персональность, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса; индустриальный характер; массовое образование; активный деятельный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным и др.

Следует согласиться с выводом В. Г. Федотовой о том, что противопоставление противоположных черт традиционного и современного обществ можно продолжить⁶.

В любом случае фокусом современных обществ выступает *индивидуальность*, вырастающая на пересечении инноваций, секуляризации и демократизации. Активная деятельность ради будущего, а не только сегодняшнего потребления порождает здесь тип трудоголика, постоянно готового к жизненной гонке. Его становление в Западной Европе осуществлялось на основе такого способа секуляризации жизни, как протестантизм, появление протестантской этики капитализма. Но и более поздние непротестантские модернизации дали тот же результат в изменении персональности. Современным становится не только общество, но и человек. Нельзя не согласиться с выводом В. Г. Федотовой о том, что «индивидуальная модернизация — процесс не менее драматический, чем социальная»⁷. Процесс модернизации можно рассматривать как процесс создания институтов и отношений, ценностей и норм, который требует изменения идентичности людей модернизирующегося общества⁸.

Типологически *современность* отождествляется с этапами становления и эволюции европейско-атлантической цивилизации, а хронологически связано с началом процесса освобождения личности и капита-

ла. *Индивид, рынок и правовое государство* — вот символы и основа современной западной цивилизации. А ее движущей силой являются индустриальные и научные революции.

Таким образом, «Запад является современным (т.е. в первом приближении, самым передовым и особенным) весь период Нового времени, когда бы мы ни начали отсчет»⁹. По этому поводу существует дискуссия — начинать ли отсчет с открытия Колумбом Америки в 1492 году, с голландской революции 1580 года, с английской революции 1642 года или с французской революции 1789 года. Понятие «Запад» используется в данном случае не в географическом, а в культурно-цивилизационном смысле¹⁰. «Запад» не есть синоним «современности», он становится таковым в результате постоянного опережающего развития перед другими цивилизациями.

Представленная выше типологизация традиционного и современного общества, как и любая иная типологизация, абсолютизирует существенные черты и игнорирует другие, особенно полутона. Так, за скобками анализа остались переходные модели модернизации, варианты традиционалистской модернизации и модернизированного традиционализма, традиционалистской современности.

На первый взгляд может показаться странным утверждение на страницах работы В. Г. Федотовой о том, что Германия стала частью Запада лишь в середине 50-х годов XX века¹¹, поскольку речь идет о стране, вклад которой в формирование современной Европы является неоспоримым. По этому поводу Х. Ортега-и-Гассет писал: «...Когда средиземноморская культура уже была реальностью, не существовало ни Европы, ни Африки. Европа начинается тогда, когда в совокупный организм исторического мира входят германцы... Германизированные Италия, Франция и Испания перестают быть чисто средиземноморской реальностью и оказываются, в той или иной степени, подобиями своего северного соседа. Постепенно торговые пути отклоняются от внутреннего моря и перемещаются к тверди Европы; так и мысли, рожденные в Греции, начинают новую жизнь на землях Германии. После долгого сна платоновские идеи пробуждаются под черепными крышками Галилея, Декарта, Лейбница и Канта, то есть германцев»¹².

Вместе с тем выводы В. Г. Федотовой и Х. Ортега-и-Гассета не противоречат друг другу. Напротив, они подтверждают тот факт, что можно размышлять над предрасположенностью обществ к определенным типам модернизаций, но, очевидно, нельзя говорить об их обреченности на строго детерминированные пути развития.

В связи с этим хотелось бы обратиться к сюжету о послевоенной Германии. А. И. Борозняк обоснованно пишет о том, что первоначально в Восточной Германии денацификация проводилась более жестко и последовательно, чем в ее западной части. Опираясь на Советскую военную администрацию в Германии (СВАГ) были осуществлены радикальные демократические реформы в промышленности и сельском хозяйстве, в ходе которых были ликвидированы основные, согласно марксистскому подходу, очаги национал-социализма — крупная собственность и финансовая олигархия¹³.

Тем не менее в современной объединенной Германии ее восточная часть, а не западная, предрасположена к экстремизму тоталитарного

типа. Кроме того, восточная часть оказалась в роли «догоняющей» модели развития.

Опыт двух разных путей модернизации, осуществленный на немецкой земле, дает обширный материал для научного анализа. Прежде всего становится очевидной необходимость расширительного толкования процесса модернизации, включающего, как минимум, следующие субстанции: *социальную* (институты, традиции, обычаи), *политическую* (организация власти), *культурную* (ценности, нормы, культурные образцы), *капитала* (производственные отношения, рынок, экономическая инфраструктура)¹⁴. Вышеупомянутые субстанции, их производные и другие факторы, участвующие в процессе модернизации, проявляют себя неодинаковым образом, тем самым создавая бесконечные комбинации и формы модернизационных процессов.

Кажущаяся линейность исторического движения современной цивилизации не является predetermined. За ней скрывается множественность предложений на один и тот же вызов современности, в т. ч. в самой западной цивилизации.

Каждый раз, когда современность бросает вызов цивилизациям, именно Запад находит наиболее эффективные пути и средства модернизации, добиваясь превосходства над другими цивилизациями. Так было по крайней мере на протяжении всего христианского времени.

За счет чего достигается эта мобильность и гибкость реагирования? На поверхности находится одно из важнейших преимуществ Запада над другими цивилизациями: общественный плюрализм и отсутствие социальной, экономической, политической и идеологической статичности. Именно они вырабатывают не один, а несколько вариантов ответа на вызов современности. Общество должно быть открытым, поскольку не существует никакого окончательного знания относительно общественно-политического процесса.

Стабильность обеспечивается сложным механизмом сдержек и противовесов, который приводит общественную систему к состоянию динамического (подвижного) равновесия сил. Открытое общество утверждается через сочетание первостепенных принципов гарантированного самоопределения индивидуума. В нем должны равновесно функционировать принципы государственной справедливости, культурной, экономической и политической свободы. Эти принципы образуют живую структуру, органическое целое и не сводятся к одному принципу. Общество формирует «соотносительность норм», из которой не может быть вырвана ни одна из них. Культурные, экономические и политические нормы общества образуют «комплексность обязанностей». Противоположность одной из систем является не стигматизацией (клеить), а нормальным отклонением. Понятие обычной нормальности не накладывает стигматов каиновой печати на все необычные нормы, а вычерчивает комплекс обязанностей. Отклонения не приравниваются к нормальности. Понятие «нормальность» пригодно для поддержания разумной середины между твердыми предписаниями и отличающимися системами¹⁵.

На протяжении двух тысячелетий истории европейской цивилизации ей предрекали неминуемый крах. И каждый раз посрамленные оракулы не учитывали важную особенность европейских народов, черпающих в каждом кризисе созидательную силу.

Поражает одержимость, с которой в XX веке цивилизационные сообщества очертя голову бросались в очередные социальные эксперименты. Назовем только некоторые из них — *третий* итало-фашистский путь воспитания «нового» человека и строительства «новой» цивилизации, *третий* рейх, *Третий* интернационал, развитой социализм, китайский «большой скачок». Это были потрясающие своей смелостью грандиозные социальные проекты, созданные «вручную», с помощью инструментов социальной инженерии. В первой половине XX века состоялись похороны, как оказалось преждевременные, классического либерализма и консерватизма. В 1947 году историк А. Дж. Тейлор писал: «В Европе никто не верит в частное предпринимательство».

Гегельянская трактовка мировой истории как тотального овладения человека историей достигает в национал-социалистическом и сталинском модернизме своей вершины, хотя это и является искажением подлинных намерений Гегеля. Однако оба проекта стоят под знаком наследия Гегеля. Тотальный характер труда этой эпохи проявился в организованных, подобно трудовому процессу, человеческих жертвоприношениях. История человечества не знала другого такого периода вмешательства рационального человека в естественный ход событий. Но выход масс на политическую авансцену, вместо желаемой ими демократии и свободы, привел к установлению персональных диктатур невиданных ранее масштабов. Оказались посрамленными оптимистические знания о природе человека и человеческого.

Никто не мог себе представить в самом начале революционных преобразований обществ, что это не начало новой эпохи, а *трагическое завершение эпохи модерна*.

XX век — век масс. Но одни и те же идеи, преломленные через призму исторических, этнических и психологических традиций обществ, давали противоположные результаты. Тиранические режимы и процветающие общества явились продуктом одной и той же европейской цивилизации, более того, подчас результатом применения одних и тех же идей.

Меня, молодого историка, приехавшего на стажировку в Италию в 1977 году, шокировала сама постановка вопроса в итальянской историографии о том, что одним из идейных истоков итальянского фашизма были идеи просветителя Жан Жака Руссо, а корни фашистского движения проистекают от знаменитых французских революционеров бабувистов, итальянских республиканцев, сторонников Мадзини. И уж тем более неприемлемым казалось причисление итальянского фашизма к движениям левого типа. Например, Ренцо Де Феличе относил итальянский фашизм к левому тоталитаризму (признавая тем самым «правым» тоталитаризмом исключительно германский национал-социализм). В любом случае, как убедительно доказал Джузеппе Парлато в своей книге, «левый фашизм» присутствовал в мозаике итальянского фашистского движения в XX веке¹⁶.

Не менее распространенным в зарубежной литературе было мнение о внецивилизационном происхождении фашизма. Одним из первых на эту тему высказался итальянский философ Бенедетто Кроче. Считая фашизм моральной болезнью общества, Кроче выводил его за

рамки исторического процесса. По существу, такую же точку зрения высказывает современный историк Франсуа Фюре. Нацизм, пишет он, был «явлением всецело абсурдным, апокалиптическим и аномальным в европейской истории»¹⁷.

Дж. Моссе пишет о «*национализации масс*», имея в виду, что национальные идеи овладевают массами, а национализм становится массовым явлением на рубеже XVIII—XIX веков. Следствие этого — национальные войны и формирование суверенных государств в географических границах расположения этносов.

Великая французская революция 1789 года оказала глубокое воздействие на все стороны европейской жизни. Это была первая поистине массовая революция. Она не теоретически (как у Руссо), а на практике поставила проблемы «общественного договора», «общей воли», «народного суверенитета». Параллельно шла разработка новых норм международного права и правил человеческого общения. Многие из них нашли свое место в Декларации прав человека и гражданина (август 1789 года), в конституциях 1791 и 1793 годов. Лидеры революции были уверены в том, что «свобода, равенство и братство» являются универсальными категориями для всех народов.

В одной из деклараций, принятых Национальным собранием, провозглашалось, что «весь род человеческий рассматривается как единое общество, целью которого является мир и благополучие всех его членов и каждого в отдельности; что в этом едином обществе народы и государства рассматриваются как индивидуумы, которые пользуются одинаковыми и естественными правами и подчиняются одинаковым правовым нормам как индивидуумы; что вследствие этого ни один народ не имеет права ни оспаривать у другого народа его владения, ни лишать его свободы и естественных средств помощи; что каждое военное мероприятие ... является актом насилия...».

В Конституции 1791 года указывалось, что «французская нация отказывается от каких-либо завоевательных войн ...». 24 апреля 1793 года Робеспьер внес в Конвент проект декларации прав, в которой наряду с другими вопросами шла речь о международно-правовых принципах революционной Франции. Выделим среди них один пункт: «Люди всех стран — братья, и различные народы должны помогать друг другу по мере возможности, как граждане одного государства».

Спустя два года Конвент выделил такие принципы международного права, как независимость и суверенность народов (вне зависимости от количества населения и размеров территорий), невмешательство в дела и правление других государств и народов, право на справедливые войны для защиты суверенитета, свободы и собственности, нерушимость договоров и соглашений.

Французские революционеры думали национальными категориями. Наполеоновская экспансия велась от имени французской нации и ставила целью установление ее гегемонии. Х. Арендт считает, что французы были единственными, кто попытался соединить *ius u imperium*. По крайней мере, они попытались превратить политический организм национального государства в имперскую политическую структуру, веря в то, что «французская нация шагала вперед... чтобы распространить блага французской цивилизации». Они хотели включить заморские вла-

дения в национальное целое, обращаясь с покоренными народами «и как с братьями, и... как с подданными, — братьями в семье единой французской цивилизации и подданными в смысле обучения французскому просвещению и следования французскому руководству». Х. Арендт подчеркивает, что результатом этого «смелого начинания» была особенно жестокая эксплуатация французами заморских владений во имя нации¹⁸. Как это нередко бывает, в последующем развитии и движении идеи, задуманные с одними целями, могут трансформироваться в свою противоположность. Встреченные первоначально на захваченных территориях как освободители и носители передовых идей, французы спровоцировали рост национального самосознания на завоеванных территориях, а затем столкнулись с национальным сопротивлением и движением к государственному суверенитету.

«То, что мы называем фашистским стилем, — подчеркивает Дж. Моссе, — было всего лишь кульминационным моментом “новой политики”, основанной на идее народного суверенитета, возникшей в XVIII веке»¹⁹. Муссолини использовал в своих интересах также известную концепцию Руссо «о выражении всеобщей воли» в создании мифа (культ) народа. В XVIII веке получили распространение идеи о том, что нации должны основываться на самом народе, на его всеобщей воле, а не только на вере в утвердившиеся королевские династии. Культ народа, таким образом, преобразовался в культ нации, и «новая политика» искала формы выражения этого единства в создании новой политической практики, новой светской религии.

Многим казалось, что представительное парламентское правительство вступало в противоречие с концепцией всеобщей воли прежде всего потому, что прежде чем создать единство, оно должно было атомизировать толпу и соответственно дифференцировать политику. С самого начала «новая политика» развивалась в антипарламентском направлении, превращаясь в своеобразную светскую религию, цементирующую национальную политику. Так получилось, что в XIX–XX веках именно это политическое и идеологическое направление стало определять всю политику массовых национальных движений, а также стало необходимой предпосылкой фашизма и коммунизма.

Фашизм и коммунизм как феномены массовизма. «Наступающая эпоха будет поистине эрой масс», — писал Гюстав Ле Бон в конце XIX века²⁰. Задолго до Мамардашвили феномен «восстания масс» был проанализирован испанским философом Х. Ортегой-и-Гассетом. В широко известной работе «Восстание масс» Ортега-и-Гассет ставил безапелляционный диагноз происхождению тоталитаризма. «Вся власть в обществе перешла к массам... Европа переживает сейчас самый тяжелый кризис, какой только может постигнуть народ, нацию и культуру. Такие кризисы уже не раз бывали в истории; их признаки и последствия известны. Имя их также известно — это восстание масс»²¹.

Современный английский ученый Р. Скидельски предпочитает использовать понятие «коллективизм». На его взгляд, «именно коллективизм определяет уникальность уходящего столетия, если сравнивать его с предшествующими эпохами»²². «...Коллективистское государство XX века отличается от более ранних форм правления именно своими

конкретными социальными устремлениями и организационным потенциалом. Среди его социальных целей были и расовая чистота, и равенство, и социальная справедливость, и модернизация. То есть они оправдывались и расовой или классовой теорией, религиозными убеждениями, идеей демократии, а также истинами, открытыми социальной наукой. Тогда как его потенциал, направленный на достижение этих целей, опирался на современные технологии, позволяющие осуществлять тотальный контроль за средствами массовой информации и системой связи в целом. Эти технологии и дали коллективистскому государству XX века огромное преимущество над методами, применявшимися автократическими режимами ранее, а также, на какое-то время, над децентрализованными формами экономической и политической деятельности»²³.

Труднопреодолимые идеологические клише, предрассудки, мифологемы, этические и эстетические самоограничения препятствуют стерильному научному анализу *коллективистских* феноменов XX века.

Сошлюсь на типичный пример использования политического клише. Рассказывают, что в период обострения разногласий с коммунистической Югославией Сталин вызвал одного из своих придворных идеологов, который подготовил зубодробительную статью против Тито. В ней были использованы идеологические клише типа «ревизионистская клика». Сталин потребовал усилить оценки. Так появилось выражение «фашистская клика Тито». В этом определении бессмысленно искать социальный или классовый подтекст. Оно всецело обращено к эмоциональной сфере восприятия. Сталин хорошо понимал психологию советского общества, ещё не оправившегося от Великой Отечественной войны против фашизма. Действительно, что могло быть хуже фашизма для советского человека?

Сейчас поколение, вынесшее тяготы той войны, с недоумением наблюдает за тем, как разновидности экстремистских идеологий завоевывают все новые слои российского общества. Когда представители РНЕ, например, обиженно заявляют, что они не фашисты, далеко не все понимают, что это соответствует истине. Они — не фашисты, а национал-социалисты. Дифференциация понятий не есть схоластическая забава исследователей, но важный шаг на пути к пониманию сущности явлений.

Парадоксально, но современная Россия, полноправная преемница страны, разгромившей германский национал-социализм, в большей мере предрасположена к новым тоталитарным экспериментам, чем повергнутая в 1945 году Германия.

Может быть, прав Карл Поппер, заявлявший безапелляционно: «...Я утверждаю, что история не имеет смысла»? Чему учит история и учит ли вообще чему-то?

В книге А. И. Борозняка «Искупление», посвященной теме преодоления нацистского прошлого в послевоенной Западной Германии, автор обращает внимание на то, что проблема морального очищения, осмысления правды о нацистском режиме в течение десятилетий являлась центральной в политических и интеллектуальных кругах западногерманского общества. Прежде чем встать в один ряд с западными демократиями, германское общество выстрадало свободу, прошло унижительную и очищающую процедуру покаяния.

Что общего в тоталитарных режимах? Наличие массовой базы у политических режимов, достижение властью массового консенсуса, осуществление властью мобилизации масс для решения задач социально-экономической модернизации. Философ Мераб Мамардашвили, размышляя об истоках сталинских репрессий, поставил точный диагноз: «...никакого сталинизма не существовало. На самом деле Сталин — это продукт миллионов “самовластий”, вернее, их сфокусированное отражение. Об этом, кстати, он и сам говорил, признаваясь, что партия создала его по своему образу и подобию. Миллионы “сталиных” — это социальная реальность, в которой живет масса властителей. Это и есть то, что Чаадаев назвал “олицетворением произвола”. Мы сейчас пытаемся вычленивать из того времени что-то вроде интеллектуальной, партийной и даже “духовной оппозиции”. Но в действительности ее не было. Да и не могло быть. Просто тот же Бухарин немножко детонировал с тем образом, который миллионы “самовластий” относили к себе. Адекватным их сознанию оказался Сталин. Поэтому он и стал тем, кем стал»²⁴. И совсем пророчески звучат слова философа: «Но эта история еще не закончилась. Мы так и не научились пока извлекать смысл из пережитого»²⁵.

Общество, в котором свобода является маргинальной ценностью, а уважение к другой личности предрассудком, генетически обречено на воспроизводство тоталитарных феноменов. В качестве детонатора может выступить самый неожиданный общественный предрассудок или феномен психологии масс.

Инакость России в эпоху модерна. Вряд ли кто-то будет оспаривать очевидный факт, что России всегда принадлежала роль догоняющей модели. В программном документе В. В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий» первостепенной задачей определена *модернизация с целью формирования постиндустриального общества*. Модернизация, на наш взгляд, означает приближение отсталой или отстающей сущности к некоему опережающему, типологически обобщенному состоянию.

Определение модернизации в качестве стратегической задачи не вызывает дискуссий у большинства политиков и ученых, независимо от того, какие ценности они разделяют: либеральные, традиционалистские или государственнические. Другое дело, что в понятие *современное общество* вкладывается различный смысл. Создается впечатление, что ряд авторов, рассуждая о постиндустриальном обществе, наполняют оболочку содержанием, не соответствующим типологическим признакам *постиндустриального общества*.

Ключевой темой современного развития России является *выбор стратегии, методов и средств модернизации*. Вариантов немного: тотальная мобилизация внутренних людских и естественных ресурсов, использование внешних источников, комбинация того и другого источника. Первый вариант может дать быстрый положительный результат, но наивно полагать, что Россия, обладающая меньшими ресурсами, чем Советский Союз, располагает возможностями долговременного использования этого варианта. Расчет на внешние источники модернизации нереален. Остаются комбинированные формы.

Переход от *олигархического капитализма* периода Ельцина к *государственному, бюрократическому капитализму* не содержит продук-

тивного потенциала. Один из представителей австрийской экономической школы Людвиг Фон Мисес обращает внимание на низкую эффективность бюрократического государства. «Людовик XIV был совершенно откровенен, когда говорил: Государство — это я. Современный чиновник гораздо скромнее. Он говорит: я слуга государства; но при этом подразумевает, что государство — это Бог. Можно восстать против короля Бурбонов, что французы и сделали. В этом случае ясно, что имела место борьба человека против человека. Но как подняться против Бога — государства и против его смиренного слуги — бюрократа»²⁶.

Российская история XX века показала, что государственная бюрократия обладает устойчивыми поведенческими стереотипами, корпоративной солидарностью и фантастической способностью к регенерации. Неоднократно на протяжении столетия, изменив свой внешний облик, российская бюрократия вместе с тем легкоузнаваема как специфически отечественное образование. Более того, как показал опыт демократического развития 90-х годов XX века, наличие формальных признаков демократии — разделения политических властей — ничего не меняет в поведении государственной бюрократии. В России она властолюбива и проникнута тоталитарным духом и поведением.

В современной России региональная бюрократия не вписывается в централизованную вертикаль «сдержек и противовесов». Угрожая территориальному единству России, она навязывает свои правила игры центральной власти. Эта практика может быть квалифицирована как «региональный цезаризм», не имеющий ничего общего с демократической системой противовесов. Но и централизация государства на бюрократической основе, не сопровождаемая развитием институтов гражданского общества, будет неизменно сопровождаться строительством бюрократических пирамид, контролирующих друг друга. Как показывает отечественный и мировой опыт, бесконечная цепь бюрократического строительства может быть прервана установлением авторитарной власти и появлением «неподкупной» партии «железных феликсов».

А пока вновь, как в советский период, не свободная предпринимательская деятельность, полная риска, или профессорская безденежная карьера, а продвижение по государственной службе становятся объектом вождения многих соотечественников. Фон Мисес аргументированно утверждает, что никакого «третьего пути», «третьей системы» между советской и американской на самом деле не существует²⁷.

Российское общество пребывает в униженном состоянии *постимперского синдрома*. Его основной особенностью, на наш взгляд, является состояние *отложенной* массовой мобилизации. В каком направлении может быть канализирован массовый порыв, будет ли он обладать созидательной или разрушительной силой, зависит от правильного выбора приоритетов модернизации.

Сложность выбора политической стратегии для любого российского политика состоит не только в том, чтобы сохранить государственность, а в том, как найти согласие в обществе, разделенном на людей с мышлением индустриальной и постиндустриальной эпохи. Первые из них даже не подозревают о сложности вызова, брошенного современной технологической революцией и глобализацией мировых процес-

сов. Поражает нереалистичность многих политических оценок международного положения России. Например, один из государственно-патриотических идеологов Алексей Подберезкин считает, что России нужна «самодостаточная национальная экономика», «представляющая собой полноценный самостоятельный комплекс, который на равных условиях сотрудничает и соревнуется с экономикой развитых стран»²⁸. Сегодня с такой постановкой проблемы не справится ни одна страна в мире, даже более развитая, чем современная Россия. Надо ли говорить о том, что нереалистично сформулированные задачи, если они и ласкают слух, при их реализации могут подорвать национальную безопасность. Необходимо объективно проанализировать причины бегства стран Центральной и Восточной Европы, Прибалтики из советского блока и смены ими одного вида внешнеполитической зависимости на другой. Возможно, основная причина заключалась в *цивилизационной несовместимости* с Россией. Как ни печально констатировать, но германский национал-социализм был им ближе в цивилизационном плане, чем советский коммунизм.

Российское общество заплатило непомерную цену за самонадеянность социальных инженеров, но оно должно понять и собственную историческую вину. Это естественная расплата общества за недостаточную развитость, нежелание учиться у других, высокомерие, иждивенчество, бескультурие. Сегодня проявляется великий соблазн уйти от разговора на эту тему ссылаясь на историческое своеобразие, поискать «внешнего врага». Важнейшая задача внутренней безопасности России заключается в преодолении *азиатчины*, повышении уровня *срединной* культуры, в т. ч. технологической, принятии массовым сознанием правил буржуазной производственной этики (названной Максом Вебером *протестантской*).

Рискуя предположить, что на исходе XX века вновь жестко ставится знакомый вопрос: «С кем вы, работники культуры?».

Умберто Эко обоснованно отмечает, что «интеллигенция — категория очень зыбкая...». «Четче определима “функция интеллигенции”». Эта функция состоит в том, чтобы критически выявлять то, что представляется посильным приближением к представлению об истине — и осуществляться эта функция может кем угодно, даже аутсайдером, но когда этот аутсайдер мыслит о собственном существовании и суммирует эти мысли. И в равной степени с функцией интеллигента не справляется профессионал от литературы, если он реагирует на события эмоционально и не ставит рефлексию во главу угла. Поэтому, как говорил Витторини, интеллигент не должен дудеть музыку революции. Не из-за того, что стремится уйти от выбора (он, кстати, вполне имеет право выбирать, но как индивидуум), а потому что для действия требуется устранять полутона и двусмысленности (такова незаменимая функция командующих фигур во всех процессах), а интеллигентская функция состоит, наоборот, в том, чтобы выпячивать двусмысленности и освещать их. <...> Интеллектуальная функция может привести человека к результатам эмоционально непереносимым, *поскольку многие проблемы решаются только выводом, что они решения не имеют*»²⁹.

Остановимся на одной из интеллектуальных функций — «выпячивать двусмысленности» и «освещать полутона». Политические процес-

сы в XX веке все сотканы из «двусмысленностей» и «полутонов», категорически не восприимчивых к идеологизированному анализу.

Но насколько востребована обществом и его лидерами эта историческая картина, сотканная из «двусмысленностей» и «полутонов»?

Путь возвращения к самим себе, своей самобытности не будет усыпан розами. «Русская мысль виновата перед Россией: не снабдила ее самопознанием... именно Сократовым “познай самого себя”», — пишет Георгий Гачев³⁰. Другой современный русский философ Евгений Барабанов критически оценил способность отечественной общественной мысли к извлечению уроков из прошлого. На смену «партийности философии как критерия ее научности» пришли «русская идея», «соборность», «русский космизм» и «национально-религиозное возрождение» — элементы будто бы новой «мировоззренческой революции». Никаких следов самосознания, удивления, попыток осмыслить себя в ситуации разрыва, фантомности, поражения, отравленности, вины. Опять никакого интереса, никакой воли к философскому прояснению самой ситуации «здесь-и-сейчас»³¹. Не утратили своей значимости слова Фихте, которые можно сформулировать как главную философскую задачу современности: «Понимать само себя может лишь свободное сознание»³².

Итак, короткий XX век или длинная эпоха? В истории человечества, пожалуй, не было другого такого короткого отрезка времени, который бы спрессовал в себе целую историческую эпоху. Можно только предполагать, что и далее мировая история будет развиваться столь же стремительно и быстро. Источник идей гуманизма, просвещения, равенства и братства народов, освобождения человека, Европа двадцатого века первой приступила к внедрению в массовое общество захватывающих коллективистских проектов. В XX веке Европа спровоцировала две мировые войны; практически всю вторую половину столетия раскол, начавшийся в Европе, удерживал весь мир в состоянии «холодной войны». СССР проиграл третью мировую войну, а вместе с тем второй раз в одном столетии Российская империя прекратила свое существование. Мировой порядок изменил свои очертания, превратившись в однополюсный центр, возглавляемый наиболее последовательным учеником европейских идей — США. Не в первый раз европейской цивилизации пророчат вторые роли, но вновь, как это уже было не раз, старый континент затеял грандиозный проект европейского строительства.

Ровно сто лет назад в российских журналах высказывалась уверенность, что XX век будет мирным. «Вероятность войны полностью исключена на том основании, что развитие европейской цивилизации — промышленности, науки и техники — сделало войну невозможной», — обобщал Андрей Синявский новогодние прогнозы в русских журналах конца XIX века в своей книге «Советская цивилизация». Уходящий век оказался трагически отличным от этих прогнозов. Никаких гарантий оптимистическим прогнозам не дают наступающий век и новое тысячелетие, тем более что на этот раз тон задают именно пессимистические прогнозы.

«Наш враг — двадцатый век. Мы не хотим пережить его еще раз». Это слова Роберта Хантера, американского посла в НАТО.

«Прощай, кровавый век», — произнес один русский поэт. Пожалуй, в мировой истории не было иного периода столь осознанного и изощренного применения самых передовых научно-технических средств массовых убийств. Все началось с газовых атак Первой мировой войны, продолжилось с использованием ядерных технологий, а завершило век массовые этнические чистки и новое изобретение мировой политики — «гуманитарные интервенции».

Почему существуют культуры, санкционирующие массовое убийство, каннибализм, унижение других? — ставит вопрос итальянский гуманист Умберто Эко³³. «Просто по той причине, что в них круг *других* сужен до предела племени (или этноса) и “варвары” не воспринимаются как человеческие существа»³⁴. Этот вывод в равной степени может быть отнесен как к инакоостям внешней оболочки общества, так и к отношениям внутри самого общества.

Можно с большой долей уверенности сказать, что в XX веке самоуверенный человеческий разум сыграл злую шутку с нашей цивилизацией. На исходе XX века общественные науки утратили роль путеводной звезды, усилился скепсис в отношении возможностей человеческого познания. Не исключено, что спасительной для человечества и отдельных сообществ может стать та осторожность, с которой человечество будет отвергать самые обоснованные социальные проекты.

¹ См.: Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вopr. философии. 1992. № 4. С. 41.

² См.: Sternhell Z. La modernita' e i suoi nemici: dalla rivolta contro l'illuminismo all'indebolimento della democrazia // Storia contemporanea. 1990. № 6. P. 976.

³ Ibid.

⁴ См.: Ibid. P. 977.

⁵ См.: Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения// Вopr. философии. 2000. № 4. С. 11–13.

⁶ См.: Там же. С.12.

⁷ Там же.

⁸ См.: Там же. С.14.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ См.: Там же. С. 4–5.

¹¹ См.: Там же. С.6.

¹² Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте». СПб., 1997. С.68.

¹³ См.: Борозняк А. И. Искупление. М., 1999. С. 134–135.

¹⁴ См.: Федотова В. Г. Указ. соч. С.27.

¹⁵ См.: Козловски П. Культура постмодерна. М.,1997. С. 199–202.

¹⁶ См.: Parlato G. La sinistra fascista. Storia di un progetto mancato. Bologna, 2000.

¹⁷ Furet F., Proccacci G. Controverso Novecento. Milano, 1995. P.25.

¹⁸ См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 192.

¹⁹ Mosse G. La nazionalizzazione delle masse. Bologna, 1975. P.7

²⁰ См.: Ле Бон Г. Психология толп. М.,1998. С. 125–126.

²¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вopr. философии. 1989. № 3. С.119

²² Скидельски Р. Дорога от рабства. М., 1998.С.11.

²³ Там же. С.12–14.

²⁴ Мамардашвили М. Как я понимаю философию М., 1992. С.170.

²⁵ Там же.

²⁶ Mises L. Burocrazia. Milano, 1991.

²⁷ См.: Mises L. Op. cit. P. 25.

²⁸ Подберезкин А. Стратегия для будущего президента России: Русский путь. М., 2000. С. 138.

²⁹ Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 2000. С. 16–17.

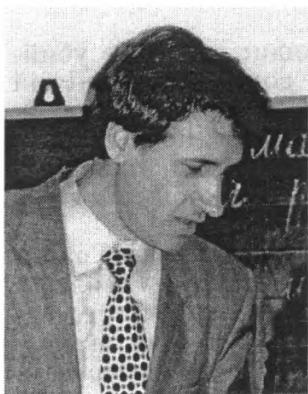
³⁰ Гачев Г. Национальный мир и национальный ум // Путь. 1994. № 6. С. 133.

³¹ Барabanов Е. Философия снизу // Там же. С. 6–7.

³² Цит. по: Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 209.

³³ См.: Эко У. Указ. соч. С. 9.

³⁴ Там же.

А. В. Меренков

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА В ХХІ ВЕКЕ

Человечество плавно переходит в новое тысячелетие. Прошедшие десять веков были отмечены значительной неравномерностью развития. Практически до XIX века история характеризовалась неизменным воспроизводством давно устоявшихся форм организации производства, быта, политической жизни.

Только два века назад начались активные преобразования во всех сферах жизнедеятельности людей, прежде всего под влиянием достижений в естественных науках.

XX век займет особое место в истории человечества не только потому, что в нем произошло несколько социально-политических революций и набрал бурные темпы научно-технический прогресс. Последние достижения геномной инженерии позволяют вести речь о том, что завершается целая эпоха в развитии человечества и оно вступает в качественно новый период своего изменения. Вся предшествующая история человека представляет собой процесс преодоления власти природы над ним. Все живые существа вынуждены приспосабливаться к ней, изменяя себя морфологически, а человек создал искусственный вещный и духовный мир, постепенно усиливая свое господство над природой.

При этом действовала особая закономерность преобразования окружающего мира. Сначала люди приспосабливали к своим нуждам механические, физические, биологические свойства земли, а также растений и животных. Это позволяло им создать приемлемые условия существования, многообразные орудия труда в рамках использования готовых и лишь частично переделываемых природных структур, не посягая при этом на процесс конструирования принципиально новых веществ, до сих пор отсутствующих в земной среде.

В итоге за многие столетия была достигнута относительно приемлемая форма сосуществования с природной средой. Последняя имела возможность себя восстанавливать, преодолевая последствия частично разрушающей ее преобразовательной деятельности людей.

Этой стадии соответствует своя форма бытия человека как биосоциального существа. Он полностью подчиняется тем законам, которые определяют функционирование и изменение его телесности, не имея возможности вмешиваться в механизмы зарождения жизни, ее протекания и угасания. Действует закон соответствия меры воздействия на